

УДК 327.57

**НЕООСМАНИЗМ И ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМ НА ПРИМЕРЕ
ТУРЕЦКО-ИРАКСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

© Б. Д. Нуриев

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел.: +7 (964) 961 04 29.**Email: nurievbd@mail.ru*

На примере турецко-иракских отношений, активизировавшихся в последние годы, анализируются трансформации во внешнеполитической доктрине Турецкой Республики. Автором доказывается, что концептуальная основа нововведений во внешнеполитическом курсе Анкары основана на двух современных либеральных по своей природе концепциях: теоретизированном в Турции неоосманизме, апеллирующем к единству народов, входивших некогда в Османскую империю, и концептуализированном в США транснационализме, нацеленном на укрепление неправительственных взаимоотношений между государствами. В статье подчеркивается, что разработанная западными политологами программа «Большая ближневосточная инициатива» должна была упрочить положение Турецкой Республики как региональной державы. Новый курс Анкары и турецко-иракские отношения последних лет свидетельствуют о том, что Турции удается нейтрализовать курдскую угрозу, повысить значимость отношений с Багдадом, а также нормализовать отношения с Москвой.

Ключевые слова: *турецко-иракские отношения, неоосманизм, транснационализм, «Большая ближневосточная инициатива», курдский вопрос, неправительственные отношения, А. Давутоглу, умеренный исламизм.*

Идея переустройства Ближнего и Среднего Востока, простирающегося от королевства Марокко на Западе до казахстанских степей на Востоке, как известно, была оформлена в стенах американских научных центров и университетов на рубеже тысячелетий. Позднее в преддверии открытия саммита НАТО в Стамбуле в 2004 г. официальное название проекта, звучавшее на английском языке как «Greater Middle East Initiative», что в переводе на русский язык примерно означало «Большая ближневосточная инициатива», было изменено на «The extended Middle East and North Africa Initiative». Новое название на русском языке уже звучало как «Расширенная ближневосточная и североафриканская инициатива» [1, с. 73]. По официальной версии, озвученной в США, в основе данного проекта лежали идеи демократизации общественно-политической жизни народов ближневосточного и североафриканского регионов, обеспечения защиты прав человека и его собственности, проведения либеральных реформ в экономике и правосудии. Как констатируют исследователи, в общей сложности в программу преобразования восточного мира из республик бывшего СССР входили все три государства Закавказья и пять стран Средней Азии. По замыслу идеологов цветных революций, одна из важнейших ролей была отведена Турции. Предполагалось, что Анкара будет своего рода примером бесконфликтной модернизации восточного общества для стран с преимущественно мусульманским и тюркоязычным населением. Как известно, старт данной программе был дан в декабре 2010 г. в Тунисе, когда самосожжение продавца фруктов на центральной городской площади по-

служило поводом для народных волнений, приобретших позднее цепной характер.

Одновременно с разработкой проекта по реформированию Ближнего Востока американскими специалистами в Турции актуализировался вопрос о той роли, которую, как виделось в Анкаре, эта страна будет играть в деле претворения в жизнь планов заокеанских союзников. В целом в политической элите страны царил понимание, что американо-турецкие союзнические отношения и активная политика Вашингтона в регионе позволят Турции упрочить свое положение на Ближнем Востоке. Вопрос заключался лишь в тактических нюансах, в том, насколько грамотно и последовательно следует действовать Анкаре.

Одним из тех направлений, на которое, по замыслу реформаторов Ближнего Востока, следовало уделить особое внимание, были почти сошедшие на нет в 80-е и 90-е гг. прошлого века турецко-иракские отношения. Реанимированию подлежали как политические, так и экономические и культурные контакты между Анкарой и Багдадом. Замечу, что первоначально окружение премьер-министра Турции Т. Эрдогана достаточно скептически относилось к перспективе возобновления контактов с соседним государством, видя в иракских курдах потенциальную угрозу для целостности турецкой государственности. Однако ближе к концу нулевых годов по мере укрепления позиций в политической элите Турции профессора международного права А. Давутоглу, теоретика так называемого внешнеполитического неоосманизма, а также его соратников, сомнения в надобности сотрудничества с Багдадом стали стремительно рассеиваться.

В феврале 2008 г. на заседании Секретариата национальной безопасности Турецкой республики был одобрен документ, получивший название «Об отношениях с Ираком» [2, с. 412]. Впервые в истории Турции государственный орган, обеспечивающий национальную безопасность страны, заявил о важности развития турецко-иракских межгосударственных отношений. Вскоре после этого советник премьер-министра А. Давутоглу, который уже через год станет министром иностранных дел страны, направился в Багдад для встречи с президентом Ирака Д. Талабани и премьером Н. Аль-Малики. Примечательно, что в ходе визита турецкого чиновника в соседнюю страну состоялась его встреча и с премьер-министром регионального правительства Иракского Курдистана Н. Барзани. Основная мысль, периодически звучавшая в ходе визита А. Давутоглу, заключалась в том, что Анкара готова к кардинальному пересмотру отношений с Багдадом. В эти же дни в турецкой столице шли переговоры между вице-президентом Ирака Т. Хашими и Т. Эрдоганом, закончившиеся «включением турецкого бизнеса в список компаний, которые будут вести разведку запасов углеводородов на севере Ирака» [2, с. 413].

И вот уже в марте 2008 г. Д. Талабани с официальным визитом посетил Анкару, где иракский лидер предложил турецкой стороне сформировать отдельную государственную структуру, курирующую весь спектр межгосударственных отношений. Помимо этого, президент Ирака выразил желание пригласить турецкий бизнес в строительство нового иракско-турецкого нефтяного трубопровода Киркук-Джейхан.

10 июля 2008 г. состоялся визит Т. Эрдогана в Багдад, ставший, по мнению экспертов, поворотным в отношениях между двумя государствами. В ходе визита турецкого премьера была достигнута договоренность о создании Стратегического турецко-иракского совета, работа которого должна осуществляться при поддержке правительств обоих государств. Были подписаны соглашения о борьбе с терроризмом и сотрудничестве в военной сфере, последнее из которых предусматривало взаимодействие руководителей штабов вооруженных сил Турции и Ирака.

В марте 2009 г. впервые после тридцати трех-летнего перерыва Ирак с официальным визитом посетил турецкий президент. Встреча А. Гюля с руководством курдской автономии Ирака ознаменовалась тем, что высшее лицо Турции заявило о признании курдской государственности. Так, турецкий президент вместо привычного «руководство автономии Северного Ирака» впервые произнес «руководство региональной Курдской автономии» [2, с. 414]. Слова А. Гюля о братстве турецкого и курдского народов наглядно показали о желании Анкары «перезагрузить» свою политику в отношении Северного Ирака.

В короткие сроки МИД Турецкой Республики открыло дипломатические миссии в различных городах Ирака. Так, например, в апреле 2009 г. начало функционировать консульство в Басре, в январе 2010 г. – в Эрбиле.

Сотрудничество обоих государств в сфере экономики также набирает обороты невиданными прежде темпами. Самый значительный скачок в торговле пришелся на 2009 г. Так, если в первые два месяца 2008 г. импорт турецких товаров с соседнюю страну составил примерно 472 миллиона долларов США, то в январе и феврале следующего года данный показатель достиг уровня 830 миллионов долларов [2, с. 416]. Как видно, рост импорта составил почти 76%. Турция, как правило, ввозит в Ирак товары народного потребления: бытовую технику, продукты питания, текстиль, цветные металлы и сталь, мебель и строительные материалы. Турецкий импорт из Ирака состоит преимущественно из нефти и продуктов нефтепереработки. Необходимо заметить, что до прихода к власти в Турции команды Т. Эрдогана доли импорта и экспорта в турецко-иракской торговле были примерно одинаковы. Однако в связи с тем, что администрация Т. Эрдогана взяла курс на развитие экспорта во внешней торговле страны, в последние несколько лет иракский экспорт в Турцию составляет лишь пятую долю от импорта. Объем турецкого импорта в 2012 г. составил 10.8 млрд. долларов США, что в 2.7. раза больше показателя за 2008 г. [3, с. 10]. Достаточно красноречиво демонстрирует важность иракского рынка для турецких предпринимателей и тот факт, что таможня, находящаяся на турецко-иракской границе, пропускает столько же грузовых автомобилей в сутки, как и все другие четырнадцать пунктов на других границах вместе взятые [2, с. 418]. Иными словами, благодаря росту внешне-торгового оборота между двумя странами в последние годы экономики Ирака и Турции срослись в единую экономическую систему. Турецкие предприниматели также активно участвуют в развитии розничной торговли в Ираке. В Эрбиле, Мосуле, Киркуке, Багдаде количество турецких торговых центров значительно возросло в последние годы. Импульс в своем развитии получил и банковский сектор. Как известно, турецкое законодательство достаточно строго регулирует валютные операции в международной торговле: предпринимателям-резидентам Турции запрещается держать деньги в иностранной валюте в зарубежных банках. Данное обстоятельство подтолкнуло турецкие банки к открытию своих филиалов в различных городах Ирака. Рост товарооборота между двумя странами также сопровождается и увеличением транспортных перевозок. После семнадцатилетнего перерыва 26 октября 2008 г. возобновил свои рейсы в Ирак национальный турецкий авиалинейщик – «Турецкие авиалинии» [2, с. 418]. Помимо данной компании, в иракские города из Стамбула и Анкары стала

выполнять рейсы частная турецкая авиакомпания – «Атлас Джет». Автобусные транспортные перевозчики также активизировали свою деятельность в иракском направлении.

Культурные связи между двумя странами развивались, как правило, благодаря инициативам работающих в Ираке турецких предпринимателей. Некоторые проекты находили поддержку у турецкого правительства, в первую очередь, это касается деятельности в сфере образования и обмена студентами. Так, например, функционировавшие в Ираке в течение более четырнадцати лет образовательные курсы «Фезалар», у истоков которых также стояли турецкие предприниматели, в нулевые годы были преобразованы в лицеи. Общее количество данных лицеев, получивших название «Ишик», что в переводе с турецкого языка означает «свет», достигло десяти [4]. В 2008 г. при поддержке турецкого правительства в городе Эрбиль был основан турецко-иракский университет – первое высшее учебное заведение в Ираке, финансируемое Анкарой. Интересно, что получение среднего и высшего образования в турецких учебных заведениях в Ираке считается достаточно престижным. Анкара также проводит активную политику в соседней стране в деле популяризации турецкого языка. Немаловажным фактором для этого является то, что в северной части Ирака проживает многочисленное тюркоязычное население – туркоманы. В нулевые годы в крупнейшем высшем учебном заведении Иракского Курдистана – в Университете Селахаддин – было открыто отделение турецкой филологии на факультете иностранных языков [2, с. 425].

Одновременно с теми трансформациями, которые происходили в сфере турецко-иракских отношений, кардинально менялся геополитический ландшафт Ближнего Востока. Дело в том, что в регионе все громче и настойчивее стал звучать курдский вопрос, угрожающий территориальной целостности четырех сопредельных государств – Турции, Ирака, Ирана и Сирии. Нужно признать, что в Анкаре отчетливо осознают, что за спиной активизировавшихся в течение последнего десятилетия курдских политиков стоит Вашингтон со своими интересами на Ближнем Востоке. «Даже если пока и не назрел вопрос о создании независимого курдского государства, деятельность в регионе, направленная на создание мощного автономного Курдистана на севере Ирака, идет полным ходом. В планы США входит формирование федеративной формы государственности в Ираке с последующим распадом страны, так как сигналы такого развития событий поступают часто. Вашингтон, поддерживая курдов на севере страны, использует курдский фактор для предотвращения сближения иракских шиитов с Ираном» [1, с. 74].

Действительно, события, начавшиеся в регионе после военной операции «Буря в пустыне», осуществленной в 1991 г., и продолжающиеся по

настоящее время, развиваются в интересах курдского населения. Немалую роль в этом сыграла и современная Турция, которая при умеренных исламистах отказалась от открытой поддержки туркоманов Северного Ирака, в результате чего тюркский фактор во внутривосточном раскладе сил Ирака перестал играть былую роль. Т. Эрдоган, дистанцировавшись от принципа этноцентризма во внутренней и внешней политике, что, как будет сказано ниже, свойственно исламской политической традиции, способствовал становлению мощного курдского политического движения Ирака. Более того, Анкара оказывает серьезную экономическую поддержку Иракскому Курдистану. Правда, необходимо это признать, экономическое сотрудничество между Иракским Курдистаном и Турцией зиждется преимущественно на добыче и транспортировке углеводородов. Так, еще до формирования в Турции правительства умеренных исламистов в 1996 г. возобновил свое функционирование нефтепровод Киркук – Джейхан. Напомню, что он состоит из двух веток, первая из которых была построена в 1977 г., а вторая – в 1987 г. После агрессии Ирака против Кувейта в 1990 г. прокачка нефти по обеим веткам была приостановлена. Помимо нефти, Турция заинтересована в поставке в страну иракского природного газа. Созданная в начале 2013 г. при поддержке правительства частная «Турецкая энергетическая компания» в марте 2013 г. подписала соглашение с властями курдской автономии о разработке газовых месторождений на территории Иракского Курдистана и строительстве газопровода. Ожидается, что транспортировка газа начнется в 2017 г. Примечательно, что правительство в Анкаре для того, чтобы избежать критики со стороны официального Багдада, не стало ставить подпись по текст соглашения, передав данные функции частной компании. Одновременно с разработкой нового газопровода, как сообщают эксперты, ведутся работы по прокладке еще одного нефтепровода.

Примечательно, что экономическое сотрудничество между Турцией и Иракским Курдистаном стало серьезным раздражителем для центральной власти Ирака. Иракское правительство уже в течение нескольких лет обрушивается с валом критики на турецкое руководство. Анкара периодически обвиняется в подрыве территориальной целостности Ирака, подстрекательстве Иракского Курдистана к дальнейшим более жестким действиям в деле отстаивания своих прав и свобод [1, с. 75]. Ушедший в августе 2014 г. в отставку премьер-министр Ирака Н. Аль-Малики неоднократно заявлял, что Турция и турецкие предприниматели не могут без согласования с центральным иракским правительством подписывать торговые и иные коммерческие соглашения с курдскими властями на севере страны. Все договоренности между турками и иракскими курдами, в том числе и в области добычи, переработки и транспортировки энергоно-

сителей Н. Аль-Малики называл противоречащими Конституции Ирака. Как отмечают специалисты, активность турецких деловых кругов на Северном Ираке подталкивает центральное правительство к сближению с Ираном и Сирией. Так, например, провластные в Ираке политические круги достаточно жестко критиковали Анкару за ее вмешательство во внутренние дела Сирии.

Итак, события, развернувшиеся в сфере турецко-иракских взаимоотношений в конце нулевых годов и в начале второго десятилетия, демонстрируют, что сближение Анкары и Багдада по всему спектру межгосударственных отношений приобрели особую важность в глазах руководства обоих государств. Более того, как это не парадоксально звучит, турецко-курдское сотрудничество, критикуемое центральными иракскими властями, также получило мощный импульс в своем развитии. Теоретическое обоснование столь двойственной политики Анкары в отношении соседнего государства, как полагают многие турецкие эксперты, заключается в принятии кабинетом Т. Эрдогана новой для Ближнего Востока концепции построения межгосударственных отношений, в основе которой лежат принципы *неоосманизма* и *транснационализма*.

Неоосманизм – достаточно сложная и неоднозначно воспринимаемая в научном сообществе концепция, апеллирующая к блистательному прошлому турков-османов. Неоосманизм по своей природе многогранен. Помимо сугубо политических компонентов, он включает в себя элементы культурного бытия османского общества, экономические и правовые вопросы. Во внешнеполитическом срезе неоосманизм подразумевает турецкоцентристский вектор развития ближневосточного региона, в котором, как известно, на протяжении нескольких столетий доминировал Стамбул. Однако авторство неоосманизма во внешнеполитическом его понимании принадлежит отнюдь не соратникам Т. Эрдогана. Впервые о неоосманизме заговорили в годы президентства Т. Озала, который, как известно, считался почитателем внешнеполитических концепций Р. Рейгана и М. Тэтчер, развитых в рамках неоллиберализма [5, с. 29]. Напомним, что видение международных дел из Вашингтона и Лондона в 80-е гг. прошлого века разительно отличалось от относительно миролюбивой внешнеполитической доктрины этих стран предыдущих десятилетий. Фолклендская война британской короны, агрессивная риторика администрации Р. Рейгана вошли во многие учебники международных отношений как яркий образец неоллиберальной концепции переустройства мира. Т. Озал, будучи ярким американофилом, максимально использовал новаторские идеи неоллибералов-атлантистов на региональном уровне, начав бурную деятельность в постсоветских тюркоязычных государствах в самом начале 90-х гг. Умеренные исламисты современной Турции во многом переняли те

базовые положения, которые были развиты теоретиками из окружения Т. Озала, адаптировав их к исламскому и ближневосточному дискурсу, что, правда, внесло свои существенные корректировки. Так, например, идеи тюркизма в неоосманизме умеренных исламистов были значительно ослаблены, что было благоприятно встречено Москвой. Действительно, ключевым моментом в концепции неоосманизма А. Давутоглу был отказ от элемента этничности. Это объясняется тем, что исламская правовая традиция категорически не приемлет этнический фактор в построении государственности и в концептуализации внешнеполитической доктрины [6, с. 97]. Вторым важным отличием «нового» неоосманизма является тот факт, что их концепция нацелена на проведение пусть и относительно, но все же независимого от Вашингтона курса. Так, например, в российской прессе широко освещался конфуз, вызванный тем, что 1 марта 2003 г. турецкий парламент отказался предоставить территорию страны западным союзникам в качестве плацдарма для вторжения в Ирак [7]. Действуя в рамках неоосманизма умеренных исламистов, в августе 2008 г. в ходе так называемой акции принуждения к миру, проводимой Москвой по отношению к Тбилиси, турецкие парламентарии, апеллируя к положениям конвенции Монтре от 1936 г., запретили прохождение американских военных судов в акваторию Черного моря. Подобных примеров можно привести немало.

Концепция транснационализма, развитая современными американскими политологами, во многом перекликается с неоосманизмом А. Давутоглу. Сторонники транснационализма придерживаются либеральных взглядов, наиболее радикальные из них идеологически близки к либертарианцам. В теории международных отношений либеральный подход, как известно, был развит в XVIII–XIX вв. В современных условиях влияние либеральных идей не менее ощутимо. В противовес реализму теоретики современного либерализма не рассматривают институт государства в качестве важнейшего актора на международной арене. В число акторов, определяющих внешнеполитический курс того или иного государства, современные либералы включают человека, неправительственные организации, международные корпорации и т.д. Более того, как известно, современный либерализм, поставив под сомнение дееспособность так называемого вестфальского подхода к межгосударственным отношениям, максимально дистанцируется от института государства. В академической среде достаточно большое признание получила модель транснациональных отношений. Нередко данную модель именуют транснационализмом, в основе которого лежат следующие базовые постулаты [2, с. 410]. Во-первых, современные межгосударственные отношения намного шире и многограннее, чем это было еще несколько десятилетий назад. Более того, ме-

сто межправительственных контактов в данном спектре международных отношений постепенно сужается. Во-вторых, с беспрецедентным увеличением числа участников международных отношений расширяется и тематика сотрудничества. Так, если первоначально межгосударственные отношения прямо или косвенно были связаны с вопросами войны и мира, то в настоящее время комплекс вопросов, регулируемых на международном уровне, растет внушительными темпами. В-третьих, учитываемая рост числа акторов и те вопросы, которые они регулируют, государству становится труднее применять военную силу в деле защиты собственных интересов. В-четвертых, модель государственного строительства, базирующаяся на принципе «одна нация – одно государство», утрачивает свою актуальность. Транснационализм апеллирует к неизбежному развитию многочисленных связей между различными акторами на всех уровнях взаимодействия наций-государств, в результате чего такое понятие, как политический суверенитет, теряет свое первоначальное значение [8, с. 385]. Так, например, экономическая кооперация между народами значительно снижает риски конфронтации между государствами, так как правительства становятся зависимыми от воли и интересов бизнес-элиты. Считается, что положения транснационализма дублируют неоосманизм, особенно в той его части, которая имеет отношение к конфликтогенным ситуациям. Экономическое и культурное сближение Турции и Иракского Курдистана, по замыслу теоретиков неоосманизма, снижает риски противостояния турецкого и курдского населения региона. В целом, как констатируют некоторые

эксперты, *турецкий неоосманизм и концептуализированный в США транснационализм на региональном уровне дополняют друг друга.*

Таким образом, присущие прежней эпохе упрощенная схематичность и однозначность в понимании политических процессов уступают место новым реалиям, более сложным в понимании и подчас непредсказуемым. Умение не только распознавать возникающие трансформации на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве, но и предвидеть возможные вызовы, становится одной из главных задач отечественного гуманитарного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Doster B. Irak, Suriye ve İran'ın Türkiye politikaları // Orta Doğu analiz. 2013. №5 (57). С. 73–79.
2. Türk F., Gaytancıoğlu K. Adalet ve kalkınma partisi iktidarında Türkiye – Irak ilişkileri (2002–2009) // Türkiye'nin değişen dış politikası. Ankara: Nobel yayın dağıtım, 2010. С. 407–431.
3. Akdoğan H., Deniz H. Kuzey Irak çalışma ziyareti raporu. Diyarbakır: Karacadağ kalkınma ajansı, 2013. 21 с.
4. Hasanoğlu A. Iraklı öğrenciler Türk okullarına girebilmek için yarıştı. URL: http://www.zaman.com.tr/dunya_irakli-ogrenciler-turk-okullarina-girebilmek-icin-yaristi_844674.html
5. Gözen R. Türk dış politikasında değişim var mı? // Türkiye'nin değişen dış politikası. Ankara: Nobel yayın dağıtım, 2010. С. 19–37.
6. Миннихметов Р. А., Нуриев Б. Д. Государство и право в исламской правовой доктрине. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 148 с.
7. Дунаев В. Турция решила не пускать к себе американских солдат. URL: <http://izvestia.ru/news/273658>
8. Keohane R. International institutions: two approaches // International Studies Quarterly. 1988. №4 (32). С. 379–396.

Поступила в редакцию 21.08.2014 г.

NEO-OTTOMANISM AND TRANSNATIONALISM ON THE EXAMPLE OF TURKISH-IRAQI RELATIONS

© B. D. Nuriev

*Bashkir State University
32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: nurievbd@mail.ru

The author analyzes the transformations in the foreign policy doctrine of the Turkish Republic on the example of the Turkish-Iraqi relations that became active in recent years. It is proved that the theoretical basis of innovations in the foreign policy of the Ankara based on two modern liberal by nature concepts: construction of the theory of the neo-ottomanism in Turkey, appealing to the unity of nations that were formerly the parts of the Ottoman Empire, and conceptualization of transnationalism in USA, aimed at strengthening non-governmental relations between countries. In the article, it has been suggested that the two concepts have much in common. This fact suggests that the political interests of Ankara and Washington in the region are the same, though perhaps this unity in views is opportunistic and short-term in nature. Moreover, Turkey's rejection of ideas of Turkism makes the position of Ankara closer to Moscow. The article stresses that developed by western scientists the "Greater Middle East Initiative" program was to strengthen the position of the Republic of Turkey as a regional power. A new course of Ankara and the Turkish-Iraqi relations of recent years indicate that Turkey managed to neutralize the Kurdish threat, to increase the importance of relations with Baghdad, as well as to normalize relations with Moscow.

Keywords: *Turkish-Iraqi relations, neo-ottomanism, transnationalism, "Greater Middle East Initiative" program, the Kurdish question, nongovernmental relations, A. Davutoglu, moderate Islamism.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Doster B. Orta Doğu analiz. 2013. No. 5 (57). Pp. 73–79.
2. Türk F., Gaytancıoğlu K. Türkiye'nin değişen dış politikası. Ankara: Nobel yayın dağıtım, 2010. Pp. 407–431.
3. Akdoğan H., Deniz H. Kuzey Irak çalışma ziyareti raporu. Diyarbakır: Karacadağ kalkınma ajansı, 2013.
4. Hasanoglu A. Iraklı öğrenciler Türk okullarına girebilmek için yarıştı. URL: http://www.zaman.com.tr/dunya_irakli-ogrenciler-turk-okullarina-girebilmek-icin-yaristi_844674.html
5. Gözen R. Türkiye'nin değişen dış politikası. Ankara: Nobel yayın dağıtım, 2010. Pp. 19–37.
6. Minniakhmetov R. A., Nuriev B. D. Gosudarstvo i pravo v islamskoi pravovoi doctrine [State and Law in Islamic Legal Doctrine]. Ufa: RITs BashGU, 2013. 148 c.
7. Dunaev V. Turtsiya reshila ne puskat' k sebe amerikanskikh soldat. URL: <http://izvestia.ru/news/273658>
8. Keohane R. International Studies Quarterly. 1988. No. 4 (32). Pp. 379–396.

Received 21.08.2014.